

Клуб рассказчиков

Александр МИНЧЕНКОВ

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ...

Отрывок из книги «Тяжкое золото»,

Четверо всадников на оленях продвигались по тайге. Замыкал этот небольшой отряд Матвей Брагин. Шли неведомыми для преследователей тропами. Путь лежал неблизкий: через перевалы гольцов, через мари и болота, лесные заросли; гнус тучами сопровождал ездоков, мошка и комары лезли в глаза, кусали лицо и руки, а оттого часто отмахивались, ругая назойливую мелкую тварь.

Но всё это не омрачало путников, их радовало золото, что везли с собой. А какова его цена, никто из них и не думал, вернее, не желал думать. Из банды единомышленников погибли несколько человек, среди них главарь Фома Рябов по кличке Упырь. С Рябовым Брагин более всех знаком был — земляки и вместе не один срок в тюрьмах отмотали. Освободившись от последнего срока, узнали от вербовщиков, что на сибирские золотые промыслы рабочие требуются, вот и покинули, не раздумывая, свою деревню, что в Рязанской губернии затерялась.

Прибыли на прииски, устроились на работу. Однако труд-то уж больно тяжким оказался: с утра раннего до вечера позднего, жильё в ветхих казармах, да народу в них как селёдки в бочке, оплата невеликая, и вычетами немалыми облагали. Хозяева

промыслов во всё экономию видели и о горняках не пеклись. Мор среди народа и выезд части рабочих из-за безысходности бытия их не волновал, потому, как в очереди найма уж много люду стояло — складно вербовали сюда, заманивали глашатаи словами: «самородки», «фарт», «безбедная жизнь». Вот крестьяне и оставляли свои семьи в деревнях и сёлах в надежде на жизнь здесь заработать.

Вкусив такую «сладкую жизнь» с кайлой, лопатой и тачкой на прииске Мариинском, Упырь не пожелал за копейки гнуть спину на господ тутошних и сколотил из бывших уголовников банду. Пронеслись вихрем по двум приискам, часть служивых и двух старателей положили, не без этого — кто ж золото за просто так отдаст, а тут и своих напарников в перестрелке потеряли.

Теперь же путники размышляли: от погони ушли, два пуда золота на четверых везём. «Моя доля двадцать фунтов — это ж целое состояние! Всё складывается как нельзя лучше, впереди другая жизнь!» — ликовал Матвей Брагин.

«Да, впереди другая жизнь... — повторил мысленно Матвей и углубился в свои размышления: — А была ведь и иная, была...»

И словно пред глазами предстала род-

Минченков Александр Михайлович родился в 1949 году в Смоленской области. Вся трудовая деятельность прошла в Бодайбинском районе на крупном золотодобывающем предприятии «Лензолото», расположенном на Севере Иркутской области. Трудился маркшейдером на приисках, на инженерно-технических и руководящих должностях в управлении предприятия.

Изданы книги: «Тяжкое золото», «Остров детства, «Забвению не подлежит», «Случай в тайге», сборник басен «Ветхое дупло».

Публиковался в литературных журналах: «Новосибирск», «Сибирские огни», «Литературная столица» и «Российская литература», в сборнике прозы сибирских писателей «Век XX – век XXI», в альманахе «Моя судьба в истории России» и других изданиях.

ная деревня, тонкой линией потекли мысли о былом времени.

Рано Матвей остался без отца и матери — ушли оба родителя из жизни по болезни преждевременно и в один год.

Ушли и оставили на белом свете своего единственного сына Матвея, названного в честь деда по отцовской линии. Ох, и рад был старик внуку — ведь наследник рода теперь имеется, а стало быть, и помирать не страшно — есть, кому фамилию продолжать! А вскоре и помер, так и не узнав, что сын его с невесткой следом за ним земле предались.

Приютила к себе сироту тётка Агафья Шагаева — старшая сестра матери Матвея. Своенравная баба: что не по ней — всякому выговорит, а то и накричит, любила распоряжаться. Можно сказать, не муж, а она главой семьи значилась.

В семье свои трое ребятешек, а тут ещё один рот прибавился. Куда ж его деть? Не впустишь — вся деревня осудит, проходу давать не будут, осуждая. Вот и пришлось приютить, хотя и не желала — это ж угол определять парнишке надобно.

Муж Агафьи Иван по натуре тихоня и скромный. Деревенские люди говорили, якобы Агафья, познав характер Ивана Шагаева, окрутила и женила на себе. Кто ж такого мужа не захочет иметь, вот он — добрый и совестливый, работающий, к тому же и алкоголь не уважает. В отца Никодима Петровича Иван пошёл, знать по крови перешло. Отец под пятой жены всю жизнь прожил и своему сыну такую же долю по наследству передал.

Корова, лошадь, свиньи, куры и гуси — таково подворье Шагаевых. А с таким хозяйством и управляться надобно.

Зимой в школу Матвей за три километра ходил, не было в их деревне учительницы. Вот дети и мерили ногами дорогу каждый день — туда три версты и обратно. Учился Матвей без особого желания, но старался, как мог, оттого учёба всё ж подавалась.

Одолеп он начальные классы. Родители отправили б его и далее учиться, если б живы были. Но, нет их, родителей-то — оставили они лишь память о себе с деревянными крестами на кладбище. Придёт иной раз на могилы Матвей, повздыхает, расскажет вслух пред ними, как живётся, о чём думает, и вертается в дом Шагаевых.

«Ни к чему тебе грамотность, и без неё люди живут. Неча распыляться на науки, всё одно, в деревне они непригодны. Буквы знаешь — и ладно, знать, и письмо сможешь написать при надобности», — так говорила Матвею тётка, и никто не перечил ей в этом.

Вот и тянула Агафья Матвея к своему хозяйству, чтоб на двор Шагаевых трудился, мужу помощником был. Агафья сама

решала, как дальше жить племяннику, и он повиновался. А куда деваться? Некуда.

Своим же детям тётка наказывала: «Учиться далее пойдёте. Неча по деревне за коровами ходить, в люди выходить надобно». Подумывала Агафья отправить своих отпрысков в город — в гимназию определить. Знал это Матвей, и его обида донимала.

С малолетства Матвея к сенокосу приучили. Чуть свет, а он уже с дядькой Иваном в поле. Почти не отстаёт, когда косой машет. Коса острая, траву из-под росы ровно берёт, ровно и трава ложится, словно её руками в ряды кладут. Это от сноровки и умения. А сноровку Матвей в этом деле быстро схватил. Иван не мог нарадоваться родственником.

Сушил сено, стоговал его, вывозил до подворья опять-таки с дядькой, боле никто не помогал. Воды с колодца для домашней нужды, накормить живность, другие хлопоты — всё на Матвее. К вечеру парень, можно сказать, с ног валился. Уставал, но досыта наевшись, засыпал, а за ночь тяжесть, что к спине приставала, отступала. Отступала, но ненадолго — с раннего утра опять вместе с ним просыпалась и работа, и некогда было думать, окромя как о нескончаемых хозяйских заботах. Но всё ж минуты отдыха были, не целый день впряжённый Матвей был — трудолюбие и расторопность давали ему желанную отдушину.

Деревенские бабы как-то у торговой лавки высказали в глаза Агафье:

— Что ж ты сироту, словно за вола держишь? Надорвётся ведь парень!

— А вы советы мне не больно давайте, в мой огород лезть не надо! Он что, не обут, не одет? Обут и одет. А задарма кто ж ныне кого кормит-то? Не найти дураков таких? Можя, из вас кто накормит? Что, и сказать неча? — отвечала Агафья.

Когда стал взрослее Матвей, в нём и мужик зрелый стал просыпаться — нет-нет да на девчат заглядывал, примечал, какая больше по нраву. Хотелось жениться, своим домом обзавестись, детишек иметь, учёбу дать и к труду приучить их.

И приметил дивчину.

Шибко приглянулась ему Нюра — дочка Петра Ильича Ряхова. Семья Ряховых с твёрдым устоем, хозяйство немалое, в общем, не из бедных. Нечета Илье Гавриловичу Перевалову — первому на деревне, можно сказать, кулаку, что позволяло ему и троих батраков держать. Зазря хлеб у Переваловых батраки не ели — трудились натужней, чем Матвей у Шагаевых.

Нюра, как про таких девушек говорят, видная, кровь с молоком. Коса русая, щёки румяные, а как молвить начинает, так, словно с напевом слова выговаривает.

Как соберётся молодёжь вечером на посиделки, так Матвей только на неё и поглядывает. Минуты улавливал удобные, чтоб шепнуть что-либо. Взаимностью отвечала Нюра Матвею, не отказывала полюбезничать с ним, видать, парень ей нравился. Знала, из какой семьи он, что сирота, серьёзный и работающий, на лицо видный, чтоб курил или, выпивши, был — ни разу не примечала. Такой ей был к душе, но открыто на словах ему даже и не намекала. «Не к лицу девушке в этом первой признаваться», — рассуждала Нюра.

Как-то в поле меж минутами отдыха Иван с Матвеем завёл беседу:

— Ты, Матвей, уже силу взял, видал, какой вымахал, а посему на свои б ноги надобно тебе становиться — угол строить, обживать. Не дело всё спину гнуть на дворе нашем. Нет, не гоню тебя, конечно. Я б рад и далее чтоб ты с нами проживал — всё ж родственник и мне помощь большая. Просто сам видишь, как живёшь. Думал уж об этом, аль нет?

— Думал, дядя Иван, думал... — Матвей бросил взгляд вдаль, смотрел с грустью, но какие сейчас мысли его одолевали, не признался.

— Девушка-то есть на примете? — осведомился Иван, взял соломинку в зубы, перекусил её и выплюнул.

— Есть.

— Знать можно мне?

— Отчего не можно, можно. Нюра — дочка Ряховых.

— Хороша дивчина. Однако вряд ли что меж вами получится.

— Это ещё почему? — насторожился Матвей.

— Отец уж больно у неё с гонором. Зная, что у тебя, кроме рук, ничего не имеется, так и разговаривать не станет. С достатком жениха своей дочке искать будет.

— Так я ж не на её отце жениться собираюсь! А мы любим друг дружку.

— Для Ряхова ваша любовь — не аргумент, — вздохнул Иван. — Ему с достатком зять нужен. Поверь, я-то знаю его лучше тебя.

Душа Матвея в грусть впала, но виду не подал. Работать продолжал молча, всё размышляя о Нюре, её отце, о себе. Иван это видел и парня не отвлекал разговорами. «Пусть переваривает, может, впрок пойдёт», — думал Иван.

Вечером за ужином Агафья уронила нож и проворчала:

— Да что ж такое? В третий раз за день нож из рук выскальзывает. Не к добру, видать, не иначе, что-то приключится.

И приключилось. Но только не с Агафьей, а с племянником.

Через три дня после этого беда и произошла.

Матвей шёл мимо усадьбы Ряховых. Он вообще иной раз специально старался проходить этой улицей — хотелось видеть Нюру. В этот раз он и увидел её. Она его сразу приметилась и засмушалась, глаза прячет, но хочет, чтоб Матвей увидел её и подошёл. И Матвей подошёл.

— Здравствуй, Нюра. Вечером-то придёшь на посиделки? Или, может, погуляем вдвоём за околицей, пообщаться бы надо.

— И о чём же говорить будешь? — улыбнулась девушка, догадываясь о причине погулять наедине.

— А вот придёшь — и шепну, — Матвей ещё хотел что-то сказать, да тут верхом на коне лихо подъехал Кузьма Перевалов — сын того самого кулака Перевалова.

Словно не замечая Матвея, он, не поздоровавшись, громко и весело воскликнул:

— Нюрка, завтра жди сватов! Пирогов напеки, чтоб с чаем угощаться, а может, и ещё с чем покрепче!

Не знал Матвей, что Кузьма на девушку глаз положил, а посему такое заявление было для него, как внезапный и крупный град на голову.

Как же так, с Нюрой друг дружке тропу протапывали, можно сказать, уж и понимали, о чём сказать хотели друг другу, а тут — на тебе! Досада и оторопь его одолели, смятение в душе возникло невероятное. Да такое невероятное, будто в животе что оборвалось.

— Кого сватать-то собрался? — опешила Нюра.

— До себя сватов жди!

У Нюры голос пропал — горло сдавило, а как отпустило, так она, стараясь бодриться, промолвила:

— А ты спросил меня, хотела б за тебя замуж?

— Ты мне нравишься, и родители меж собой уж всё решили. Не трусись, всё будет ладно, по-людски!

— Да нет, не по-людски так, и опоздал ты. У меня есть уже жених, — стыдно было говорить такое, но в эту минуту девушка поняла — уходит её счастье, уходит супротив её воли, родители сами решили её судьбу, даже не спросив, не обмолвившись с ней об этом. А Матвей услышит, так корить не станет — тут ведь какое выворачивается.

Матвей не выдержал наглого предложения Кузьмы и бросил:

— Нюра не вещь, чтоб ею распоряжаться против её воли! — душа негодовала, кипела, готов был наброситься с кулаками на Перевалова, еле сдерживался.

— О, никак это и есть жених? — скривился в язвительной улыбке Кузьма.

Перевалов знал про отношения меж Матвеем и Нюрой, но значения не придавал и относился к Матвею не как к сопернику — не того полёта птица — сирота и без

дома. К тому опирался на родительскую хватку — в любом деле они могли всё решить, как желали, а тут невесту определить — это ж плёвое дело, если сыну дивчина по нраву и Ряхов пожелал сродниться.

— Могу обрадовать: да я! — еле сдерживая себя, кинул Матвей.

— Ну, уморил ты меня, Матвей. Гольтьба ты драная, шалаша даже своего не имеешь, денег-то ни гроша за душой нет. Ковыляй отсюда, пока конём не потоптал.

Матвей не выдержал. Ухватив Кузьму за рукав, рывком стянул с коня и свалил наземь. Ударил раз несколько, ударил до крови. Кузьма орал:

— Ты чего, с ума сошёл?! Ты чего?! Прочь руки от меня, а не то!.. — И осёкся, получив крепкий удар в скулу.

Матвея понесло дальше. Ухватив Кузьму посередь туловища, поволок его к кадке с водой, что стояла почему-то подле ворот, а не во дворе хозяев, и с головой окунул Перевалова в эту бочку. Крика не стало слышно — Кузьма стал захлёбываться, сопротивлялся, махал руками и ногами, но цепкие руки Матвея держали его накрепко. Утопил бы, наверное, Кузьма своего обидчика, если бы не Ряхов — отец Нюры.

На шум выбежал хозяин дома, Пётр Ильич. Распахнув калитку и завидев такую необычную картину, сообразил сразу, в чём дело. Со всего маху бросился к бочке и опрокинул её. Вода с шумом хлынула из кадки, а спасённый Кузьма, испуганный и мокрый, дышал тяжело, отплёвывался и отхаркивался.

— Ты чего это, поганец, вытворяешь?! На добрых людей кидаешься! Да тебя в петлю за это надо втаскивать! Ты посмотри на него!

Кузьма, чуть отдышавшись, вскипел:

— Да я тебя в тюрьме сгною! Через батеньку немедля все бумаги в суд на тебя оформим! Голодраниц!.. — ещё какие-то недобрые слова хотел Перевалов потребить, но приступ удушья и наличие попавшей в нутро воды его остановили, он поперхнулся, закашлялся.

— И правильно! Бумаги в суд! И поделом ему! — поддакнул Ряхов и стал помогать поднять Кузьму. Матвею же бросил: — Цыть от моего двора, и чтоб близко никогда больше не видел!

— Ты, Нюрка, не больно-то глазей! Уведи коня во двор и сама — вон с улицы, в дом иди! — прорычал Ряхов и повёл Кузьму к калитке и в дом.

Нюра, прежде чем исполнить волю отца, глянула на Матвея и шепнула:

— Матвей, ну и потешно же ты Кузьму испукал, прямо, как курицу запарил. Ты не думай, не люб мне Кузьма. — А у самой еле слёзы в глазах сдерживались.

— Я знаю, — слабо улыбнулся Матвей.

— Знаю.

Матвей пошёл прочь — уже не с кем было говорить. Нюра увела коня во двор, а выйти на улицу — боялась отца послушаться. И всё же вышла и уединилась. Душа была встревожена, ныла и трепетала от обиды: «Это как же так батенька решил, не спросив меня, люб ли мне Перевалов? Этот мерзкий воображала, наглец, вот решил — и всё тут. Правильно Матвей сказал: я ж не вещь какая. Не приведи Господь, если батенька от своих слов не отступится. А он не отступится, не тот человек, чтоб назад двигаться, тем паче с Переваловым уж договорённость имеется. Господи, ну за что ж супротив меня такая несправедливость навалилась? За что?..» Нюра расплакалась, и эти слёзы никто не видел — сидела одна в глубине двора и, всхлипывая, страдала.

Страдал и Матвей. Слезу не ронял, как Нюра, не по-мужски. В себе комок держал, а вытащить его из груди сил не хватало. Душу распирала злоба, обида и ненависть к Перевалову. А тут ещё и Ряхов заявил, мол, чтоб и близко около его двора не видел.

— Наперекор пойдёт, это факт... Не отдаст за меня Ряхов Нюру, не отдаст... — тяжесть ещё более грузная на сердце легла от рассуждений.

На деревне же народ только языками и тёрли, как Матвей Кузьму в кадке мочил. Обсуждали со смехом и прибаутками. Им смешно и в диковину, а Матвею беда. Переваловых же насмешки сельчан ещё больше раздражали, злили.

Несколько дней Матвей ходил сам не свой — душа негодовала, кипела, голову распирала обидные слова Перевалова и Ряхова, а главное, он не видел Нюру. Не от кого было узнать, как она там, что говорят её родители. Ни с кем не разговаривал, на вопросы не отвечал, даже с дядькой Иваном не общался, хотя уважал его и жалел. Иван переживал за родственника, Агафья же рукой на Матвея махнула, для себя отмечая: лишь бы по хозяйству помогал, а то, что с ним приключилось, её не касается — сам влез, пусть сам и слезает.

А далее дни Матвея и вовсе закрутили. Да так закрутили, что только успевай разворачиваться.

Подали Переваловы на Матвея в суд. В свидетели вписали Ряхова. Тот не отказывался, считал: если определят Матвея в тюрьму или сошлют куда-либо, то и Нюрка вскоре забудет его, и свадьбе помехи не будет, уж больно желает Кузьма его дочку замуж взять, а тут смотри родня какая — первый на деревне зажиточный человек этот Илья Гаврилович Перевалов.

Суд состоялся и состоялся скорый. Видать, бумаги Переваловы весьма складно

написали, а может, и приврали чего да деньгами кого надо ублажили, а как же без этого, коль хочется сделать всё по-своему. Пострадавший на суде предстал с большим синяком под правым глазом и выбитым передним зубом.

Сослали Матвея на два года. А освобожденный, в деревню возвращаться не стал, узнал, что Нюру всё ж замуж супротив её воли за Кузьму Перевалова выдали и ребяташек она двоих родить успела.

А узнал он новость такую от неоднократно отсидевшего в тюрьмах из его же деревни Фомы Рябова. Сдружился Матвей с Фомой, и, можно сказать, далее его жизнь в одной колее с ним пошла. Везде вместе, сообща недобрые дела творили, за что опять в казематы угодили. Водка и табак теперь для Матвея были делом обыденным, вроде как потребным. Наверное, чтоб любовь позабыть и горе утопить, забыться. Фома не то что верховодил Матвеем, просто Матвей сам к нему тянулся. Знал: поддержка его всегда рядом, сильный и хваткий, правда, с крутым характером. Вдвоём могли в любой шумной компании за себя постоять и память в синяках недругам оставить.

«Фома... Да, сгинул ты с земли этой грешной. Не дожид до дней хороших. Вона сколь золота прём — душа радуется, — Матвей вспомнил о друге. — А ведь всё ты, благодаря тебе мы его заимели. Не было б тебя — и золота этого не было б... Эх, Фома, Фома...»

Тут его думы перенеслись о деревне, а вернее, о Нюре: «Как она там, живёт? С нелюбимым человеком, наверное, словно птичка в неволе. Вот уж судьба нам подарков надавала — ни мне счастья, ни ей. А что если в свою деревню вернуться иль в соседней деревне, какой осесть? С Нюрой увидимся, время, может, что поменяло: если у неё жизнь тяжкая, так заберу её, с детьми заберу. Да нет, где там, — отбросил Матвей такую искорку надежды. — Где там ей, коль держат дети и власть родительская. Тем паче двойной тягой держат — Ряхов и Перевалов. Приеду, обустроюсь, женюсь, семьёй обзаведусь, дом большой поставлю, хозяйство заведу. Увидят деревенские люди, каким богатым стал Матвей, обомлеют. Откуда счастье привалило, молвить никому не буду — ни к чему себя на плаху подставлять, хватит, нахлебался горя всякого, а злых глаз и

ушей множество, того и гляди либо сглазят, либо нашепчут кому от зависти. Золото потихому сбывать буду, в городе где-либо, а может, и ещё далее, осторожно и скрытно. А как увидят мою зажиточность, так пусть жаба и гложет Ряхова и Перевалова. Пусть! Пусть гложет!..» У Матвея от последних рассуждений на душе как-то отпустило, просветлело.

Изначально охватившая Брагина радость от возвращения в деревню богатым человеком постепенно сменилась раздумьями о времени, прожитом на прииске Мариинском, о заговоре и как покинул он промыслы. Ему вспомнились убитые бандой на зимовье Гераськино копачи-старатели, содержатель зимовья Климент и лишённые жизнью служащие приисков. Предстали перед глазами погибшие напарники Упырь, Клин, Проха, Пестриков и двое братьев — Лёшка и Гришка. Ушли единомышленники в иной мир, не обретя на земле своего счастья. От этого на душе у Брагина стало неуютно, и он вдруг осознал, что драгоценный металл, который наконец-то у него в руках, запачкан людской кровью, и даже не запачкан, а ею омыт, и это никогда не забудется. Это навсегда останется в его сознании, и золото, принося ему достаток, будет каждый день видеться, наверное, презренным металлом и стоять, словно бельмо в глазу, на всю оставшуюся жизнь.

Брагин задумался: «Принесёт ли это золото мне счастье, не будет ли оно терзать душу до скончания моего века?.. Ведь какой грех на душе тяжкий...» Тут он словно встрепенулся, отогнал тяжкие мысли и внимание переключил на напарников, неспешно продвигавшихся впереди на оленях с вещмешками, на окружавшие его таёжные просторы и горизонт, обрамлённый очертаниями гольцов и сопков, на облака, плывшие в недосыгаемой голубой бездне.

Однако мысли опять его вернули к прежним рассуждениям.

«Надо бы до дел грядущих перво-наперво в церковь сходить — исповедоваться, ибо грехи мои тяжкие ранее времени к земле преклонят. — Матвей глянул в небо, снял шляпу, прижал её к груди и еле слышно прошептал: — Господи, упокой души, мною загубленные, не гневись на раба твоего божьего Матвея... Прости меня и сохрани, грешного...»